

РЕГИОНАЛЬНАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА REGIONAL AND MUNICIPAL ECONOMY

УДК 332.1

DOI 10.52575/2687-0932-2021-48-3-417-425

Бюджетная самодостаточность регионов как результат взаимодействия публичной власти и бизнес-структур

Аничин В.Л., Желябовский А.Ю.

Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина,
Россия, 308503, Белгородская обл., Белгородский р-н, п. Майский, ул. Вавилова, 1
E-mail: vladislavanichin@rambler.ru

Аннотация. Эффективное взаимодействие публичной власти и бизнес-структур является важнейшим фактором и условием устойчивого развития российских регионов. Расширенное воспроизводство экономических, социальных и экологических региональных систем во многом зависит от скоординированных действий сторон, включая представителей частного бизнеса, на долю которого приходится значительная часть оборота коммерческих организаций России. Управление таким взаимодействием требует не только согласования интересов стейкхолдеров, но и объективной оценки его эффективности. Авторы предлагают проводить оценку эффективности взаимодействия публичной власти и бизнес-структур на основе интересоориентированной модели регионального роста. Обосновано, что критерием устойчивости данной модели выступает бюджетная самодостаточность региона. Представлена расчетная формула критериального показателя. Выполнена апробация оценки эффективности взаимодействия публичной власти и бизнес-структур по уровню бюджетной самодостаточности в регионах Центрального федерального округа России.

Ключевые слова: региональная экономика, публичная власть, бизнес-структуры, взаимодействие, стейкхолдеры, бюджетная самодостаточность региона, регионы Центрального федерального округа.

Для цитирования: Аничин В.Л., Желябовский А.Ю. 2021. Бюджетная самодостаточность регионов как результат взаимодействия публичной власти и бизнес-структур. Экономика. Информатика, 48 (3): 417–425. DOI 10.52575/2687-0932-2021-48-3-417-425.

Budget self-sufficiency of regions as a result of interaction between public authorities and business structures

Vladislav L. Anichin, Alexander Yu. Zhelyabovskiy

Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin
1 Vavilova St, Mayskiy, Belgorod region, 308503, Russia
E-mail: vladislavanichin@rambler.ru

Abstract. Effective interaction of public authorities and business structures is the most important factor and condition for the sustainable development of Russian regions. The expanded reproduction of economic, social and environmental regional systems largely depends on the coordinated actions of the parties, including representatives of private business, which accounts for a significant part of the turnover of commercial organizations in Russia. Managing such interaction requires not only coordination of the interests of stakeholders, but also an objective assessment of its effectiveness. The authors propose to evaluate the effectiveness of interaction between public authorities and business structures on the basis of an interest-oriented model of regional growth. It is proved that the criterion for the stability of this model is the budget self-sufficiency of the region. The calculated formula of the criterion indicator is presented. The evaluation of

the effectiveness of interaction between public authorities and business structures by the level of budget self-sufficiency in the regions of the Central Federal District of Russia was tested.

Keywords: regional economy, public authorities, business structures, interaction, stakeholders, budget self-sufficiency of the region, regions of the Central Federal District.

For citation: Anichin V.L., Zhelyabovskiy A.Yu. 2021. Budget self-sufficiency of regions as a result of interaction between public authorities and business structures. Economics. Information technologies, 48 (3): 417–425 (in Russian). DOI 10.52575/2687-0932-2021-48-3-417-425.

Введение

Необходимость эффективного взаимодействия публичной власти и бизнес структур определяется тем, что частные предприятия в современной России составляют более чем 80 % от общей численности коммерческих организаций. В отдельных регионах доля частных предприятий в общем обороте коммерческих организаций превышает 90 %. Для таких регионов, к которым принадлежит и Белгородская область, налаживание эффективного взаимодействия публичной власти и региональных бизнес структур имеет особое значение. По мнению Т.В. Усковой, эффективное взаимодействие государства и бизнеса способствует увеличению темпов роста экономики, повышению наполняемости регионального бюджета, повышению качества жизни, развитию науки и образования, расширению доступности социально-экономической инфраструктуры, технологий, привлечению инвестиций [Ускова, 2013].

Развитие региональной экономики зависит, прежде всего, от действий заинтересованных сторон (стейкхолдеров) [Новоселов, 2017]. При этом взаимодействие публичной власти и бизнес структур всегда происходит в конкретных условиях места и времени. Несмотря на общность форм и моделей взаимодействия, описанных в научной литературе [Бондарева Е., 2020; Данилова, 2016; Полянин, 2018], в каждом регионе они имеют свою специфику. Так, Н. Босма и В. Шутгенс на основе проведенных исследований объясняют национальные и региональные различия в предпринимательском отношении и активности для 127 регионов в 17 европейских странах. Авторы раскрывают значение институциональных факторов и экономико-демографических признаков [Bosma, 2011]. Э.М. Смит и А. Томассон рассматривают ключевые факторы успеха и инструменты государственно-частного партнерства в муниципалитетах Швеции [Smith, 2018]. Имеется большое число публикаций, в которых анализируются российские региональные практики взаимодействия власти и бизнеса [Абрамов, 2017; Бондарева Я., 2020; Духновский, 2021, Плотников, 2015]. Наличие успешных региональных практик подтверждает тезис о том, что региональные экономики могут служить движущей силой национальных экономических изменений [Ruth, 2018].

Особую актуальность имеет проблема выбора индикаторов регионального развития в контексте эффективности публичного управления [Вертакова, 2014]. Ранее мы отмечали, что успешное решение социально-экологических и экономических проблем зависит от наполняемости региональных бюджетов, а бюджетная самодостаточность регионов является функцией взаимодействия государства и бизнеса. Поэтому показатель бюджетной самодостаточности может быть использован в качестве количественного критерия устойчивого развития регионов [Anichin, 2021]. Это согласуется с результатами классификации регионов по уровню финансовой самодостаточности [Shakleina, 2019], а также с положением о том, что управление региональным развитием предполагает коллективное действие в регионе, что оно основывается на участии и сотрудничестве [Bailly, 2017]. В связи с этим взаимодействие публичной власти и бизнес-структур следует рассматривать как основу модели регионального роста. М. Гриллиш и др. отмечают, что концепция роста в региональных моделях обычно относится к экономическому росту, измеряемому преимущественно валовым региональным продуктом, занятостью или производительностью [Grillitsch, 2021]. По нашему мнению, наряду с этими показателями не меньшее значение имеет показатель бюджетной самодостаточности

региона, поскольку его уровень не только зависит от величины регионального продукта, занятости и производительности, но и от того, насколько согласованы интересы стейкхолдеров региона.

Объект и методы исследования

Объектной базой избраны регионы Центрального федерального округа России. М. Гриллич и др. поднимают вопрос, что считать регионом, указывая на два возможных варианта: регион в административных границах и регион в функциональных границах, в которых действуют механизмы, стимулирующие региональный рост [Grillitsch, 2021]. Применительно к анализу взаимодействия публичной власти и бизнес-структур очевидно, что административные и функциональные границы региона совпадают.

Обозначая предметную область исследования, отметим, что в соответствии с Федеральным законом «О Государственном Совете Российской Федерации» в систему публичной власти входят: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, другие государственные органы, органы местного самоуправления. Органы публичной власти осуществляют свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства [ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», 2020]. Понятие «бизнес-структуры» в общем случае охватывает все коммерческие организации, включая частные, государственные и муниципальные, однако в контексте взаимодействия публичной власти и бизнес-структур под последними подразумеваются только частные коммерческие организации, поскольку характер взаимодействия публичной власти с ними принципиально иной по сравнению с государственными и муниципальными предприятиями. Именно в такой трактовке состава бизнес-структур рассматривается государственно-частное партнерство [Головина, 2019] и другие формы и модели взаимодействия публичной власти и частного бизнеса.

Цель исследования – обоснование и апробация методических подходов к оценке эффективности взаимодействия публичной власти и бизнес-структур в региональном экономическом пространстве.

Результаты и их обсуждение

Во-первых, мы предлагаем проводить оценку эффективности взаимодействия публичной власти и бизнес-структур на основе интересоориентированной модели регионального роста. Экономические интересы и способы их достижения основными стейкхолдерами региона представлены на рисунке 1.

Собственные доходы интересуют работников не меньше, чем работодателей. Отсюда следует, что главным экономическим показателем деятельности бизнес-структур, исходя из интересов работников и работодателей, является добавленная стоимость. В свою очередь добавленная стоимость прямо и косвенно выступает в качестве основного объекта налогообложения, а значит, ее увеличение отвечает общественным интересам. Такое пересечение интересов создает институциональную основу для взаимодействия публичной власти и бизнес-структур.

На рисунке 2 представлена укрупненная модель экономического роста региона на основе взаимодействия публичной власти и бизнес-структур. В этой модели переменные выступают одновременно предикторами и откликами. Критерием устойчивости данной модели выступает бюджетная самодостаточность региона.

Во-вторых, на роль критерия эффективности взаимодействия публичной власти и бизнес-структур мы предлагаем использовать показатель «бюджетная самодостаточность региона», рассчитываемый по следующей формуле

$$БСР = 100 - ДБП, \quad (1)$$

где *БСП* – бюджетная самодостаточность региона, %; *ДБП* – доля безвозмездных поступлений в бюджет региона, %.

Рис 1. Экономические интересы и способы их достижения основными стейкхолдерами региона
 Fig. 1. Economic interests and ways to achieve them by the main stakeholders of the region

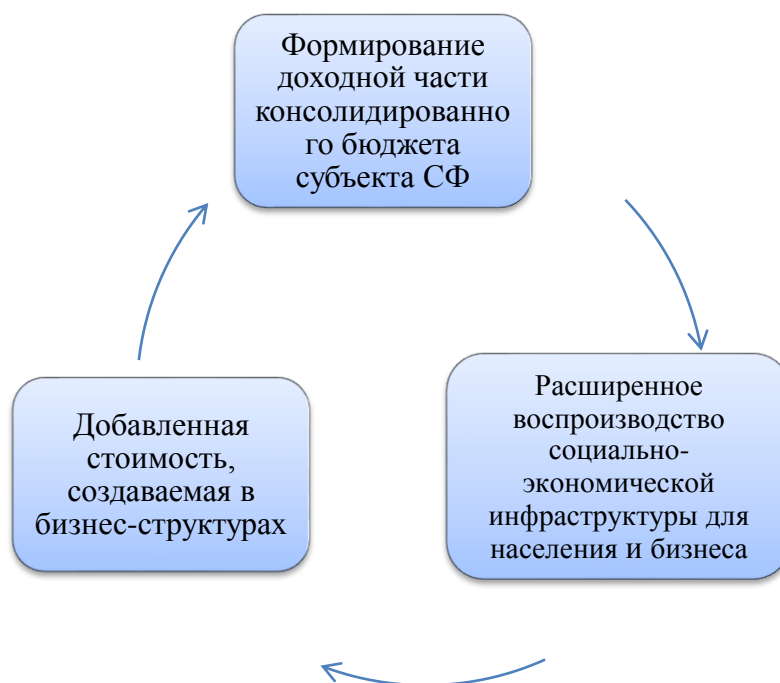

Рис. 2. Модель экономического роста региона на основе взаимодействия публичной власти и бизнес-структур
 Fig. 2. A model of economic growth in the region based on the interaction of public authorities and business structures

В отличие от формулы коэффициента обеспеченности собственным налоговым потенциалом [Гладковская, 2018], показатель бюджетной самодостаточности региона учитывает поступления не только по налогу на имущество организаций, транспортному налогу и налогу на игорный бизнес, а все налоговые поступления в консолидированные бюджеты субъектов федерации, предусмотренные НК РФ.

В Центральном федеральном округе лидерами по уровню бюджетной самодостаточности являются г. Москва, Московская область и Ярославская область. Но, если два первых региона за 2014–2019 гг. наращивали уровень бюджетной самодостаточности, то Ярославская область, как и 7 других регионов, демонстрировали противоположную тенденцию (таблица 1).

Таблица 1
Table 1

Региональные показатели бюджетной самодостаточности (BCP_i), %
 (рассчитаны по данным Росстата)
 Regional indicators of budgetary self-sufficiency (BCP_i), %
 (calculated according to Rosstat data)

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Линейный тренд
Белгородская область	67,5	72,2	74,1	79,6	80,4	78,2	2,39
Тамбовская область	47,9	55,1	58,0	55,8	56,1	55,4	1,09
Орловская область	57,4	57,2	64,5	64,0	60,4	59,4	0,55
Московская область	87,3	88,6	94,1	93,0	91,2	88,9	0,42
Владимирская область	73,6	74,1	77,8	76,5	76,4	74,1	0,23
Курская область	72,2	72,2	72,2	72,1	74,5	71,8	0,14
Смоленская область	72,6	79,0	80,8	79,0	78,6	74,0	0,11
г. Москва	97,4	94,7	95,1	97,3	96,2	96,7	0,09
Тульская область	82,6	79,5	82,3	81,5	81,7	81,7	0,04
Воронежская область	74,3	71,8	76,3	74,7	74,0	72,6	-0,10
Липецкая область	78,9	82,1	81,1	81,9	82,2	77,9	-0,11
Брянская область	51,9	47,7	49,0	48,9	49,9	47,6	-0,43
Тверская область	79,8	79,4	79,5	77,4	81,5	75,6	-0,48
Ярославская область	88,1	84,8	88,7	88,3	86,2	83,9	-0,49
Рязанская область	74,3	74,0	75,3	77,0	74,2	70,3	-0,51
Ивановская область	56,1	58,4	64,4	61,6	55,6	53,1	-0,75
Калужская область	82,9	81,9	77,1	78,4	72,4	80,6	-1,11
Костромская область	68,8	67,3	70,8	71,3	60,8	57,8	-2,11

В табл. 1 регионы ранжированы по уровню линейного тренда. Линейный тренд, вычисленный способом наименьших квадратов, характеризует среднее ежегодное изменение показателей бюджетной самодостаточности регионов.

Основная проблема современного регионального развития, негативно сказывающаяся на социально-экономическом развитии страны в целом – углубляющееся неравенство между регионами в уровне жизни. Это неравенство порождает перераспределение человеческого капитала и других мобильных ресурсов в пользу регионов с наиболее приемлемыми условиями применения этих ресурсов. Здесь имеет место конфликт между частнособственническими, региональными и народнохозяйственными интересами. Исходя из последних территориальное распределение ресурсов должно осуществляться таким образом, чтобы суммарный эффект от их применения был наибольшим. Суммарный эффект измеряется

различными показателями, включая добавленную стоимость, национальное богатство, интегральную бюджетную самодостаточность макрорегиона. Интегральная бюджетная самодостаточность макрорегиона – обобщающий относительный показатель, который мы предлагаем рассчитывать по формуле средней арифметической, взвешенной из показателей бюджетной самодостаточности отдельных регионов

$$БСМ = \frac{\sum БСР_i \times БР_i}{\sum БР_i}, \quad (2)$$

где *БСМ* – интегральная бюджетная самодостаточность макрорегиона, %; *БСР_i* – бюджетная самодостаточность *i*-го региона, %; *БР_i* – доходная часть бюджета *i*-го региона, млн руб.

Заметим, что в формуле (2) в роли весов выступают доходные части бюджетов. Поэтому, если бюджеты регионов, входящих в состав макрорегиона, значительно различаются, то величина *БСМ* будет во многом зависеть от того, на каком уровне находится самодостаточность региона с наибольшим бюджетом. Примером служит *БСМ* Центрального федерального округа (таблица 2). Бюджеты (доходная часть) г. Москвы и Московской области по итогам 2019 г. составляли соответственно 55,8 и 16,2 % от суммы консолидированных бюджетов регионов, входящих в состав ЦФО.

Расчет бюджетной самодостаточности макрорегиона по формуле средней арифметической простой

$$БСМП = \frac{\sum БСР_i}{n}, \quad (3)$$

где *n* – число регионов, входящих в состав макрорегиона, позволяет исследовать степень неоднородности пространства бюджетной самодостаточности макрорегиона путем сопоставления *БСМ* и *БСМП*.

Таблица 2
Table 2

Макрорегиональные показатели бюджетной самодостаточности Центрального федерального округа, % (рассчитаны по данным Росстата)
 Macro-regional indicators of budgetary self-sufficiency, % (calculated according to Rosstat data)

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Линейный тренд
<i>БСМ</i>	88,0	87,0	88,9	90,1	88,9	88,5	0,27
<i>БСМП</i>	73,0	73,3	75,6	75,5	74,0	72,2	-0,06
<i>БСМ - БСМП</i>	15,0	13,7	13,3	14,6	14,9	16,3	0,33
<i>БСМ / БСМП</i>	1,205	1,187	1,176	1,193	1,201	1,226	0,005

Положительная динамика *БСМ* наряду с отрицательной динамикой *БСМП*, а также значительная положительная разность (*БСМ* – *БСМП*) свидетельствуют об увеличении неравномерности в уровнях бюджетной самодостаточности регионов за счет опережающего взаимодействия публичной власти и бизнес-структур в таких регионах, как г. Москва, Московская область, Белгородская область.

Заключение

Апробация изложенных в статье методических подходов с использованием показателя бюджетной самодостаточности на примере регионов Центрального федерального округа по данным за 2014–2019 гг. позволила установить следующее. Имеет место значительная дифференциация регионов по уровню бюджетной самодостаточности. Минимальный уровень (47,6 %) зафиксирован в 2019 г. в Брянской области, максимальный (97,4 %) – в 2014 г. в

г. Москве. В 8 из 16 регионов ЦФО прослеживается среднегодовая тенденция снижения уровня бюджетной самодостаточности. Наиболее высокие темпы роста показателя достигнуты в Белгородской области (в среднем 2,4 % ежегодно).

В целом по ЦФО наблюдается многолетний рост средневзвешенного показателя (*БСМ*) на фоне снижения среднего по регионам уровня (*БСМП*), что является следствием процессов концентрации предпринимательской деятельности в г. Москве и Московской области, где созданы наиболее благоприятные социально-экономические условия для бизнеса и населения.

Полученные результаты, а также ранее сформулированные выводы о связи бюджетной самодостаточности регионов с состоянием взаимодействия публичной власти и бизнес-структур [Anichin, 2021], позволяют полагать, что показатель бюджетной самодостаточности региона и другие построенные на его основе индикаторы макрорегионального уровня адекватно отражают характер и движущие силы регионального развития.

Список источников

1. Абрамов О. 2017. Белгородская программа «500/10 000» как экономическая новация и ориентир для других регионов. Экономика Черноземья и жизнь регионов. Региональное деловое издание. URL: <http://www.eizh.ru/articles/proizvodstvo/belgorodskaya-programma-500-10-000-kak-ekonomicheskaya-novatsiya-i-orientir-dlya-drugikh-regionov/> (дата обращения: 10 августа 2021)
2. . Федеральный закон «О Государственном Совете Российской Федерации» от 8 декабря 2020 г. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002020050010&docid=11> (дата обращения: 10 августа 2021)

Список литературы

1. Бондарева Е.А. 2020. Формы взаимодействия власти и бизнеса в субъектах Российской Федерации (на примере Воронежской области). Конституционализм и государственное управление. 2: 20–31.
2. Бондарева Я.Ю., Лавриненко Е.А., Стрябкова Е.А. 2020. Анализ эффективности механизма инвестиционного обеспечения экономики региона на основе государственно-частного партнерства. Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург: 173–204.
3. Вертакова Ю.В., Борисова М.С., Борисов А.М. 2014. Оценка эффективности публичного управления в России на региональном уровне: проблема выбора индикаторов развития. Известия Юго-Западного государственного университета. 4: 27–38.
4. Гладковская Е.Н. 2018. Инструментарий оценки бюджетного потенциала и выявление резервов экономического роста регионов России. Фундаментальные исследования. 10: 31–36.
5. Головина Т.А., Полянин А.В., Меркулов А.В. 2019. Государственно-частное партнёрство: история взаимоотношений государства и бизнеса. Вестник государственного и муниципального управления. 4: 89–101.
6. Данилова О.В. 2016. Механизмы взаимодействия государственных органов и бизнес-структур в регионах присутствия крупного бизнеса. Экономика в промышленности. 1: 26–33.
7. Духновский Ф.А. 2021. Стратегии взаимодействия бизнеса и власти в регионах: кейс Владимирской области. Бизнес. Общество. Власть. 1: 163–171.
8. Новоселов А.С., Маршалова А.С., Ждан Г.В. 2017. Методологические проблемы и организационная структура управления пространственным развитием регионов. Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 1–1: 80–94.
9. Плотников В.А., Федотова Г.В., Пролубников А.В. 2015. Государственно-частное партнерство и специфика его реализации в регионах России. Экономика и управление. 1: 38–43.
10. Полянин А.В., Головина Т.А., Авдеева И.Л. 2018. Менеджмент в системе государственно-частного партнерства: механизм "инфраструктурной ипотеки". Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 1: 161–168.
11. Ускова Т.В. 2013. Частно-государственное партнерство как механизм модернизации экономики территорий: теоретико-методологические основы. Проблемы развития территории. 3: 7–16.

12. Anichin V., Zhelyabovskiy A., Yakovenko N, Khudobina G. 2021. Improving Interaction Between Public Authorities and Business Structures in the Region. Proceedings of the 3rd International Conference Spatial Development of Territories (SDT 2020). Advances in Economics, Business and Management Research, volume 181. 308–314. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.210710.052>
13. Bailly A.S., Gibson L.J. 2017. Emerging trends in regional science. *Asia-Pac J Reg Sci.* 1 53–61. <https://doi.org/10.1007/s41685-017-0028-2>
14. Bosma N., Schutjens V. 2011. Understanding regional variation in entrepreneurial activity and entrepreneurial attitude in Europe. *Ann Reg Sci.* 47: 711–742. <https://doi.org/10.1007/s00168-010-0375-7>
15. Grillitsch, M., Martynovich, M., Fitjar, R.D. et al. The black box of regional growth. *J Geogr Syst* 23, 425–464 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10109-020-00341-3>
16. Ruth M. 2018. Regional science in a resource-constrained world. *Ann Reg Sci.* 61: 229–236. <https://doi.org/10.1007/s00168-018-0879-0>
17. Shakleina M.V., Midov A.Z. 2019. Strategic classification of regions according to the level of financial self-sufficiency. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.* 3: 39–54. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.3.
18. Smith E.M., Thomasson A. 2018. The Use of the Partnering Concept for Public–Private Collaboration: How Well Does it Really Work? *Public Organiz Rev.* 18: 191–206. <https://doi.org/10.1007/s11115-016-0368-9>

References

1. Bondareva E.A. 2020. Forms of interaction between government and business in the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the Voronezh region) Constitutionalism and political science. 2: 20–31. (in Russian)
2. Bondareva Ya.Yu., Lavrinenko E.A., Stryabkova E.A. 2020. Analysis of the effectiveness of the mechanism of investment support for the region's economy on the basis of public-private partnership. Sustainable development of the digital economy and cluster structures: theory and practice. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. St. Petersburg: 173–204. (in Russian)
3. Vertakova Yu.V., Borisova M.S., Borisov A.M. 2014. Assessment of efficiency of public management in Russia at regional level: problem of the choice of indicators of development. Proceedings of the Southwest state university. 4: 27–38. (in Russian)
4. Gladkovskaya E.N. 2018. Methodology for estimating the budgetary potential and identifying the reserves for the economic growth of the regions of Russia. *Fundamental research.* 10: 31–36. (in Russian)
5. Golovina T.A., Polyaniin A.V., Merkulov A.V. 2019. Public-private partnership: history of relations between state and business. *Journal of public and municipal administration.* 4: 89–101. (in Russian)
6. Danilova O.V. 2016. Mechanisms of interaction between state bodies and business structures in the regions where big business is presented. *Russian journal of industrial economics.* 1: 26–33. (in Russian)
7. Dukhnovskiy F. 2021. Strategies of interaction between business and government in the regions: the case of the Vladimir region. *Business. Society. Power.* 1: 163–171. (in Russian)
8. Novoselov A.S., Marshalova A.S., Zhdan G.V. 2017. Methodological problems and organizational structure of the spatial development governance. *Regional economy and management: electronic scientific journal.* 1-1: 80–94. (in Russian)
9. Plotnikov V.A., Fedotova G.V., Prolubnikov A.V. 2015. State-private partnerships and particular features of its implementation in the Russia's regions. *Economics and management.* 1: 38–43. (in Russian)
10. Polyaniin A.V., Golovina T.A., Avdeeva I.L. 2018. Management in the public-private partnership: the mechanism of "infrastructure mortgage". Proceedings of Voronezh state university. Series: economics and management. 1: 161–168. (in Russian)
11. Uskova T. V. 2013. Public-private partnership as the mechanism of the territories economic modernization: theoretical and methodological foundations. *Problems of territory's development.* 3: 7–16. (in Russian)
12. Anichin V., Zhelyabovskiy A., Yakovenko N, Khudobina G. 2021. Improving Interaction Between Public Authorities and Business Structures in the Region. Proceedings of the 3rd International Conference Spatial Development of Territories (SDT 2020). Advances in Economics, Business and Management Research, volume 181. 308–314. <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.210710.052>

13. Bailly A.S., Gibson L.J. 2017. Emerging trends in regional science. *Asia-Pac J Reg Sci.* 1 53–61. <https://doi.org/10.1007/s41685-017-0028-2>
14. Bosma N., Schutjens V. 2011. Understanding regional variation in entrepreneurial activity and entrepreneurial attitude in Europe. *Ann Reg Sci.* 47: 711–742. <https://doi.org/10.1007/s00168-010-0375-7>
15. Grillitsch, M., Martynovich, M., Fitjar, R.D. et al. The black box of regional growth. *J Geogr Syst* 23, 425–464 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10109-020-00341-3>
16. Ruth M. 2018. Regional science in a resource-constrained world. *Ann Reg Sci.* 61: 229–236. <https://doi.org/10.1007/s00168-018-0879-0>
17. Shakleina M.V., Midov A.Z. 2019. Strategic classification of regions according to the level of financial self-sufficiency. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast.* 3: 39–54. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.3.
18. Smith E.M., Thomasson A. 2018. The Use of the Partnering Concept for Public–Private Collaboration: How Well Does it Really Work? *Public Organiz Rev.* 18: 191–206. <https://doi.org/10.1007/s11115-016-0368-9>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аничин Владислав Леонидович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Россия

Желябовский Александр Юрьевич, аспирант кафедры экономики, Белгородский государственный аграрный университет имени В.Я. Горина, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav L. Anichin, Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics, Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, Belgorod, Russia

Alexander Yu. Zhelyabovskiy, postgraduate student of the Department of Economics, Belgorod State Agricultural University named after V. Gorin, Belgorod, Russia